Э.В. ИЛЬЕНКОВ И СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

А.Д. Майданский, В. Ойттинен

Майданский Андрей Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет, Белгород; ассоциированный научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва. 308015, Белгород, ул. Победы, 85. E-mail: caute@yandex.ru

Ойттинен Веса — Ph.D., профессор эмеритус Александровского института Университета Хельсинки, Финляндия. FIN-00014, Aleksanteri Institute, P.O. Box 42 (Unioninkatu 33), Finland. E-mail: vesa.oittinen@helsinki.fi

Майданский А.Д., Ойттинен В. 2020. Э.В. Ильенков и советская философия.

Концепт: философия, религия, культура. Том 4. No 3(15). С. 180–186.

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-180-186>

Статья поступила в редакцию: 14.08.2020. Принята к публикации: 31.08.2020.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00028.

Расширенная версия интервью, которое взял В. Ойттинен у А.Д. Майданского для журнала «Monthly Review» (Нью-Йорк, США) в январе 2020 г. Интервью посвящено творчеству советского философа Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979), интерес к которому на Западе значительно вырос в последние годы. В интервью освещаются причины этого интереса и основные темы ильенковской философии, а также его работы в области культурно-исторической психологии.

Ключевые слова: марксизм, диалектика, советская философия, культурно-историческая психология, идеальное, личность, деятельностный подход.

Спрашивает — профессор эмеритус Университета Хельсинки Веса Ойттинен (В.О.).

Отвечает — профессор Белгородского национального исследовательского университета Андрей Майданский (А.М.).

В.О. Андрей, советский философ Эвальд Ильенков умер в 1979 г. С тех пор его известность устойчиво росла — поначалу

медленно, но в последние годы международный интерес к его трудам значительно увеличился. Как ты объясняешь это явление? Ведь советская философия в целом не пользуется особым спросом [на Западе].

А.М. Действительно, популярность Ильенкова растёт, особенно в последние 10–15 лет, в то время как остальной советский марксизм (за исключением культурно-исторической психологии

Л.С. Выготского и его школы) практически превратился в музейный экспонат. Почти каждый год мы видим новые переводы трудов Ильенкова, больше всего — на английский и испанский языки. Совсем недавно в Западной Европе возникла группа «Международные друзья Ильенкова» (International Friends of Ilyenkov). Свой второй симпозиум они провели в Копенгагене летом 2018 г. Третий, лондонский, был отменён из-за пандемии.

Полагаю, росту привлекательности Ильенкова способствуют два главных фактора.

Во-первых, новая волна интереса к Марксу и творческому марксизму во всём мире на фоне стремительной трансформации общества, ожиданий нового экономического кризиса и т.п. А Ильенков сумел взять от Маркса лучшее — метод мышления и критический дух. В работах Ильенкова минимум идеологической шелухи и схоластики, которая отталкивает от марксизма многих мыслящих людей.

Во-вторых, в архиве Ильенкова нашлось очень много текстов, которые он не смог опубликовать при жизни, и эти тексты подчас даже более интересны. Это, например, грандиозная «Космология духа» (совсем недавно она была впервые переведена на немецкий и английский языки); работы по психологии и педагогике; исследование феномена «отчуждения человека» в современном обществе (особенно интересна его критика в адрес «машинного» социализма) и поиск исторических путей снятия отчуждения. Более половины его рукописного наследия осталось лежать в письменном столе. Ему не удалось напечатать даже заветную «Диалектику идеального».

В.О. Ты упомянул о культурно-исторической школе советских психологов. Ильенков ведь также был во многом близок к этой школе? Родство между ними проходит по линии теории деятельности, или «деятельностного подхода», как его называют. Согласен ли ты с этим?

А.М. Безусловно! Ильенков прямо писал о «преимуществе школы Выготского перед любой другой схемой объяснения психики», очевидно, причисляя к этой

школе и самого себя. Как психолог, Ильенков вёл исследования в русле теории деятельности А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина. Это одна из ветвей школы Выготского, представляющая психику как форму поисково-ориентировочной деятельности во внешнем мире; в случае человека это — деятельная ориентация в мире культурных предметов, «артефактов», созданных человеческим трудом. Здесь-то и формируются все без исключения «высшие психические функции».

Надо сказать, что среди психологов Ильенков чувствовал себя гораздо больше «своим», чем среди философов. В последние, самые тяжёлые годы его жизни, когда директор Института философии Б.С. Украинцев развернул кампанию травли Ильенкова, последний находил пристанище и поддержку на факультете психологии МГУ у А.Н. Леонтьева и в давыдовском Институте психологии.

Архивные рукописи этой поры, второй половины 70-х, открыли нам Ильенкова, который ищет первоисточки психики, жёстко критикует классические эксперименты И.П. Павлова, читает и комментирует современную литературу по психологии и физиологии высшей нервной деятельности... При этом он твёрдо держится принципов культурно-исторической и деятельностной психологии.

Ильенкова особенно интересовал процесс «интериоризации» — конкретная механика «вращения» (термин Выготского) культурных функций внутри индивидуальной, поначалу ещё совершенно животной, психики. В этот момент возникает человеческая личность, моё «я». Особенно наглядно, как в замедленном фильме, этот тонкий процесс просматривается в Загорском эксперименте по воспитанию слепоглухих детей. Больше десяти лет своей жизни Эвальд Ильенков отдал этому эксперименту. После его трагической смерти в 1979 г. один из его слепоглухих учеников, Алек-сандр Суворов, напишет поэму-диалог с учителем «Средоточие боли», а Наташа Корнеева назовет свою дочь Эвальдиной.

В.О. Но все же Ильенков был не психологом, а философом. Как мне кажется,

можно сказать, что именно он положил начало так называемому «деятельностному подходу» в советской философии — подходу, который ранее применялся лишь в психологии.

А.М. Ильенков, конечно, в первую очередь философ, и в области психологии он занимался преимущественно проблемами теоретико-методологического порядка: отношение души и тела, или психического и физического; как формируется психика и какова первичная «клеточка» психики; что такое личность (так называется его последняя работа по психологии), и т.д.

Что касается «деятельностного подхода», то формально он декларировался в любом учебнике марксистской философии, с соответствующими цитатами из Марксовых «Тезисов о Фейербахе» о предметно-практической деятельности и требовании изменять мир, а не только его объяснять. Выражение «деятельностный подход» при этом не употреблялось, но Ильенков тоже его не употреблял (в его работах вообще не встречается прилагательное «деятельностный»). Тем не менее, именно Ильенков первым взялся решать задачу объяснения генезиса и структуры человеческого мышления на основе предметной деятельности, труда.

В самых общих чертах дело представлялось ему следующим образом. Человеческий труд как бы выворачивает природные явления сущностью наружу, практически выявляя чистые (идеальные) формы вещей. А уж потом эти выплавленные в «реторте цивилизации» формы отражаются, отпечатываются в человеческом мышлении в виде «идей». Практическое изменение мира выступает как основа, источник и художественного восприятия, и логического мышления, и вообще всех специфически человеческих способностей.

Этот принцип взяли на вооружение талантливые ученики Ильенкова — Л.К. Науменко, С.Н. Мареев, Г.С. Батищев, Ю.Н. Давыдов, В.М. Межуев и некоторые

другие. Впоследствии большинство из них пошли своими, совсем другими дорогами в философии. К сожалению, основные труды этой ильенковской школы не переведены на иностранные языки. Читатель, не владеющий русским, может получить представление о них, пожалуй, только из книг «Практическая сущность человека: деятельностный подход в позднесоветской философии»¹ и «Философская мысль в России во второй половине двадцатого столетия»².

В.О. Ильенков не был узким профессионалом от философии, он стремился к воплощению своей деятельностной концепции в советском обществе, особенно в системе образования? Здесь перед нами — искомое единство теории и практики...

А.М. Ильенков никогда не был кабинетным философом. На войне он был артиллеристом, в мирное время конструировал радиоприборы (в том числе огромных размеров магнитофон с прекрасным качеством звучания) и даже поставил в своём кабинете токарный станок. Ну и, конечно, он много занимался проблемами экономики и педагогической психологии.

Ильенков терзался вопросом: почему в странах социализма, вопреки предсказаниям Маркса, государство не «отмирает», и наше общество не превращается в самоуправляемую коммуну? Наоборот, власть государства над человеческой личностью колоссально выросла. Ильенков пришёл к выводу, что для построения общества с «человеческим лицом» необходимо изменить самого человека. Отсюда его живейший интерес к Загорскому эксперименту со слепоглухими детьми, в котором практически шлифовались и проверялись принципы воспитания нового типа личности. Культурно-историческая психология и «развивающая» педагогика научат, как сформировать гармоничную личность, которой по силам сбросить иго мегамашин отчуждения — государства и рынка...

¹ *The Practical Essence of Man: The "Activity Approach" in Late Soviet Philosophy*. 2016. Ed. by A. Maidansky and V. Oittinen. Leiden, Boston: Brill. 210 p.

² *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. 2019. Ed. by V.A. Lektorsky and M.F. Bykova. London, New York: Bloomsbury Academic. 440 p.

Кто-то назовёт это педагогической утопией. Возможно. Но, как сказал Оскар Уайльд, «на карту мира, где нет страны Утопии, не стоит даже и глядеть. Это единственная страна, подходящая для человечества». А бывает и так, что утопия предвосхищает историю...

Ученик и ближайший друг Ильенкова В.В. Давыдов считается одним из отцов «деятельностной педагогики». Немало школ в нашей стране практикуют сегодня обучение младшеклассников по системе Эльконина — Давыдова. В порядке эксперимента применялась она и в Америке, в двух государственных школах штата Гавайи. Ильенков изложил основные принципы развивающего обучения в брошюре «Учитесь мыслить смолоду»³. Но основной массив его психолого-педагогических работ вышел уже в нашем столетии, многое имеется уже и в английском переводе.

В.О. Наиболее оригинальным вкладом Ильенкова в марксистскую философию считается концепция идеального, дебаты вокруг неё не стихают и по сей день...

А.М. Публикация статьи Ильенкова «Идеальное» во втором томе Философской энциклопедии в 1962 г. вызвала мощный всплеск полемики в советском философском сообществе. Идеологический «железный занавес» не позволил вывести обсуждение на мировой уровень. Лишь недавно была целиком переведена на английский язык самая капитальная работа Ильенкова на эту тему — «Диалектика идеального». Она вышла в сборнике «Диалектика идеального: Эвальд Ильенков и творческий советский марксизм»⁴, с комментариями, освещающими контекст полемики вокруг понятия идеального.

Судьба этой поздней рукописи Ильенкова была непростой. Украинцев долгие годы не позволял публиковать «Диалектику идеального». Рукопись была напечатана лишь посмертно — в сокращении и под измененным заглавием. Та публикация, 1979 г., подлила масла в огонь полемики вокруг категории идеального. В спор

включился и корифей советской эстетики Михаил Лифшиц, к которому Ильенков относился с большим уважением. Лифшиц выступил против деятельностного понимания идеального. В его трактовке категория идеального задает эталон совершенства всякой вещи и распространяется на всё и вся в природе.

Ильенков усматривал в идеальном «своеобразную печать, наложенную на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью». Всё, что попадает в круг этой жизнедеятельности, получает печать идеальности, становясь на то время, пока длится деятельность, жилищем и орудием идеального. Кора головного мозга становится инструментом мышления, серебро и золото — деньгами, огонь — божеством домашнего очага. Даже звёзды в небе тут превращаются в зодиакальные знаки, в компас и календарь... Ильенков называл идеальное «отношением представления» вещей (точнее, их сущности — причин и законов существования этих вещей) внутри человеческой деятельности, в процессе производства общественной жизни.

Живо интересовала Ильенкова проблема общественного идеала. В книге «Об идолах и идеалах» (1968) он предпринял попытку прочертить вектор коммунистического движения в современном мире. Коммунизм он понимал как процесс перехода функций управления общественной жизнью в руки самих людей, как процесс замены машин рынка и государства «организацией самоуправления». Молодой Маркс именовал это «снятием отчуждения» и «обратным присвоением человека» (der menschlichen Wieder-gewinnung).

К огорчению Ильенкова, в Советском Союзе под личиной коммунистического идеала обнаружился идол Машины, «кибернетический кошмар», которого так боялся философ. Вместо общества «с человеческим лицом» в стране строился *машинный социализм*. Мне кажется, это подтачивало его волю к жизни. Любимой

³ Ильенков Э.В. 1977. *Учитесь мыслить смолоду*. Москва: Знание. 64 с.

⁴ *Dialectics of the Ideal: Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism*. 2014. Ed. by A. Levant and V. Oittinen. Leiden, Boston: Brill. 221 p.

книгой Ильенкова стал оруэлловский «1984»; он читал этот запрещённый в СССР роман в немецком переводе и даже переводил на русский язык.

В.О. Ильенков имел репутацию «марксиста-гегельянца». Однако, мне кажется, это был иной тип гегельянства, чем, например, школа Деборина в раннесоветской философии 1920-х гг. Может быть, мы могли бы сравнить Ильенкова с Лукачем?

А.М. Как философ, Ильенков вырос с книгами Гегеля в руках. Он был буквально влюблен в гегелевский памфлет «Кто мыслит абстрактно?». Перевод этого, совсем небольшого по размеру, текста шлифовался им на протяжении 20 лет. Вместе с тем самого Гегеля Ильенков упрекал как раз за чрезмерную абстрактность — за превращение диалектических формул в «априорные схемы» и «высокомерно-пренебрежительное отношение к миру эмпирически данных фактов, событий, явлений». Этот первородный грех идеалистической диалектики, писал он, разделяют с Гегелем и корифеи «диамата», такие как Плеханов, Сталин и Мао Цзэдун.

Упрёк в абстрактности Ильенков адресует и плехановской гвардии во главе с Дебориным. Эти люди создавали школьные курсы диамата и истмата, которые Ильенков на дух не переносил. Бытующее в западной литературе представление, будто Ильенков был продолжателем линии Деборина и его школы, на мой взгляд, неверно. Хотя я не отрицаю родства между Ильенковым и Дебориным в понимании предмета философии, категорий диалектики, равно как и наличия у них общих симпатий к Гегелю и Спинозе.

Лукач — другое дело. Его книгу «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» Ильенков ценил необычайно высоко, переводил и комментировал вместе со своими студентами. В архиве Ильенкова сохранился реферат «Онтологии общественного бытия» (начала 1970-х гг.), написанный с большим уважением к покойному автору, Лукачу, несмотря на то, что Ильенков был непримиримым противником «онтологизации» диалектики. В его глазах Лукач — представитель лучшей, живой марксистской

традиции, в отличие от мертворожденной схоластики «диамата».

В.О. В настоящее время ты занимаешься изданием Собрания сочинений Ильенкова. Не мог бы ты рассказать об этом проекте? Кроме того, было бы интересно узнать, способны ли пока что не изданные материалы архива Ильенкова изменить установившийся к настоящему времени образ его философии?

А.М. В феврале 2019 на русском языке вышел первый из десяти томов Собрания сочинений Ильенкова. В течение года вышли еще три тома. Работу над изданием мы ведём втроем: академик В.А. Лекторский, дочь Ильенкова Е.Э. Иллеш и я.

Публикация оставшихся материалов из архива Ильенкова может добавить некоторые штрихи к портрету философа, но вряд ли она существенно повлияет на сложившийся образ. Основная часть архива Ильенкова уже опубликована. Среди пока ещё не изданных работ, можно выделить рукопись его последней книги, в которой критикуется технократический проект построения социализма. Ильенков считал, что именно этот проект осуществляется в Советском Союзе. Поскольку критиковать реальный «машинный» социализм напрямую не позволялось, Ильенков спорил с его идеологами, такими как Александр Богданов (ближайший соратник Ленина и его оппонент в философии) и современный польский марксист Адам Шафф.

Советская цензура наглухо блокировала всё, что писалось Ильенковым на эту тему. Лишь год спустя после смерти философа вышла та самая его последняя книга — в сокращенном и капитально отредактированном цензором виде, под кем-то придуманным заглавием: «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма».

В.О. Видишь ли ты какие-либо пробелы или проблематичные пункты в ильенковской философии?

А.М. У больших мыслителей, таких как Ильенков, и ошибки умные: они дают пищу для размышлений и указывают на «точки роста» теории. Это ошибки *объективные*, обусловленные духом времени и противоречиями в самом предмете исследования, а не субъективной слабостью ума.

Есть проблемы, над которыми Ильенков ломал голову, долго и напряжённо, но не сумел с ними справиться, — как, например, уже упомянутая проблема «отмирания государства». Не обошлось и без серьёзных пробелов. Так, Ильенков много и остроумно критиковал идею построения «Машины умнее человека» — суперкомпьютера, который смог бы планировать экономическое развитие и управлять общественной жизнью лучше, чем это делают живые люди. Однако он так и не поставил очевидный для марксиста вопрос: чем может быть полезна ЭВМ для «снятия отчуждения» и «обратного отчуждения человека»? Если ручная мельница даёт феодальное общество, а паровая мельница — промышленный капитализм (Маркс), то

какое же общество даст нам мельница компьютеризованная?

Лично мне особенно интересны и полезны мысленные споры с Ильенковым. Не так давно, в ходе дискуссии на страницах журнала «Mind, Culture, and Activity», я отстаивал взгляд Выготского на аффект как «клеточку» психики против позиции Ильенкова, считавшего такой «клеточкой» чувственный образ⁵. Ошибочным мне кажется понятие «мыслящего тела», которое он приписывал Спинозе (на эту тему мне пришлось вести ожесточенный спор с несколькими учениками Ильенкова). Но и в этих спорах я смотрю на вещи сквозь отшлифованные Ильенковым «линзы» логических категорий. Лучшей теоретической оптики я пока не встречал.

EVALD ILYENKOV AND SOVIET PHILOSOPHY

A.D. Maidansky, V. Oittinen

Andrey D. Maidansky — Doctor of Philosophy, Professor, Belgorod National Research University, Belgorod; Research Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. 308015, Belgorod, Pobedy str., 85. E-mail: caute@yandex.ru

Vesa Oittinen — Ph.D. in Philosophy, Professor Emeritus, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland. FIN-00014, Aleksanteri Institute, P.O. Box 42 (Unioninkatu 33), Finland. E-mail: vesa.oittinen@helsinki.fi

Maidansky A.D., Oittinen V. 2020. Evald Ilyenkov and Soviet Philosophy. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 3(15). P. 180–186. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-180-186>

Received: 14.08.2020. Accepted: 31.08.2020.

Conflicts of interest. The authors declare the absence of conflicts of interest.

Acknowledgements. The Research was carried out with the Financial Support of the Russian Science Foundation, within the Framework of Project № 20-18-00028.

Abstract. This is an extended version of the interview of Prof. Andrey D. Maidansky given to Em. Prof. Vesa Oittinen for *Monthly Review* journal (New York, USA) in January 2020. The interview was dedicated to the works of the Soviet philosopher Evald Vassilyevich Ilyenkov (1924-1979) which have recently received increasing international attention. The interview sheds light on the reasons for such an interest and outlines the key focus topics of both Ilyenkov's philosophy and his Cultural-Historical Psychology works.

Keywords: Marxism, Dialectics, Soviet Philosophy, Cultural-Historical Psychology, the Ideal, Personality, Activity Approach.

⁵ Maidansky A. 2018. Spinoza in Cultural-Historical Psychology. *Mind, Culture, and Activity*. 25 (4). P. 355-364.

References:

Dialectics of the Ideal: Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism. 2014. Ed. by A. Levant and V. Oittinen. Leiden, Boston: Brill. 221 p.

Maidansky A.D., Oittinen V. 2020. Evald Ilyenkov and Soviet Philosophy. *Monthly Review*. 71 (8). <https://monthlyreview.org/2020/01/01/evald-ilyenkov-and-soviet-philosophy/>

Maidansky A. 2018. Spinoza in Cultural-Historical Psychology. *Mind, Culture, and Activity*. 25 (4). P. 355-364.

Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad. 2019. Ed. by V.A. Lektorsky and M.F. Bykova. London, New York: Bloomsbury Academic. 440 p.

The Practical Essence of Man: The "Activity Approach" in Late Soviet Philosophy. 2016. Ed. by A. Maidansky and V. Oittinen. Leiden. Boston: Brill. 210 p.

Ilyenkov E.V. 1977. *Uchites' myslit' smolodu* [Learn to Think from Your Youth]. Moscow: Znanie. 64 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Ильенков Э.В. 1977. *Учитесь мыслить смолоду*. Москва: Знание. 64 с.